

УДК 316.444

DOI: 10.17223/1998863X/50/15

А.Б. Рахманов

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЦАРСТВЕ МАРСА: РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ В 1912 ГОДУ

Статья посвящена исследованию закономерностей социальной мобильности в офицерском корпусе Российской императорской армии накануне Первой мировой войны. В разных родах войск и военных округах Российской империи темпы карьер офицеров заметно различались. Анализируются образование и сословность как важнейшие детерминанты социальной мобильности офицеров. Национальность в ряде случаев обуславливала и темпы карьер офицеров, и их размещение в военных округах. На социальную мобильность офицеров в некоторых военных округах влияли боевые заслуги, связанные с участием в русско-японской войне. Офицерский корпус армии России лишь отчасти соответствовал принципам рациональной бюрократии М. Вебера.

Ключевые слова: социальная мобильность, карьера, офицеры, генералы, образование, сословия, национальности, Российская императорская армия, Питирим Сорокин, Макс Вебер.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию восходящей социальной мобильности внутри офицерского корпуса Российской императорской армии (РИА) накануне Первой мировой войны. Под восходящей социальной мобильностью здесь вслед за российско-американским социологом П.А. Сорокиным понимается перемещение индивидуума из нижестоящего социального слоя в вышестоящий [1. С. 373]. Речь пойдет о подъеме по иерархической лестнице офицерских чинов, т.е. карьерном восхождении офицеров РИА.

Различные аспекты карьер офицеров РИА периода конца XIX и начала XX в. рассматривались дореволюционными военными социологами К.М. Оберучевым [2, 3], П.А. Режепо [4–6], современными историками С.В. Волковым [7], И.И. Гребенкиным [8], А.П. Корелиным [9], В.Н. Суряевым [10–13], Г.С. Чувардиным [14–16] и др. Отличительная особенность настоящей статьи в том, что в ней будет предпринята попытка выявить *систему закономерностей* восходящей социальной мобильности офицеров РИА данного периода, т.е. речь пойдет об исследовании этого явления с точки зрения не истории, а исторической социологии. В то время как историческая наука рассматривает явления прошлого сквозь призму их описания, а также выявления частных и поверхностных казуальных связей, историческая социология посредством сравнительного анализа совокупности однотипных исторических явлений устанавливает целостные и глубокие закономерности общественного развития, устремляясь к границам философии истории, впрочем, лишь отчасти достигая их.

Офицерский корпус РИА подразделялся на три иерархически соподчиненные категории чинов – генералов¹, штаб-офицеров² и обер-офицеров³, и поэтому исследование восходящей социальной мобильности в первую очередь выступит как исследование перемещения индивидуумов из слоя обер-офицеров в слой генералов. Для краткости для обозначения восходящей социальной мобильности ниже мы будем использовать понятие «социальная мобильность».

Подобное исследование с необходимостью будет являться эмпирическим, и в качестве его методологии закономерно выступит индуктивная логика британских философов Ф. Бэкона и Дж.С. Милля⁴. Источником эмпирических данных послужит «Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год» (далее – «Ежегодник») [19], изданный Главным штабом военного министерства Российской империи в 1914 г. «Ежегодник», будучи официальным изданием, является самым полным статистическим исследованием из всех, посвященных РИА, данного периода⁵. Этот труд содержит многообразный статистический материал о личном составе РИА, включая офицеров, врачей, чиновников и нижних чинов, о преступности и заболеваемости в армии и т.д. Для нас интерес представляют сведения о различных характеристиках офицерского корпуса – образовании, возрасте, сословности, национальности, распределении по родам войск и военным округам и т.п. Данные «Ежегодника» позволяют судить не только о состоянии РИА в 1912 г., но и о тенденциях ее развития в ходе целого периода накануне Первой мировой войны.

«Ежегодник» осуществляет статистический анализ РИА в предметно-отраслевом и территориальном аспектах. Первый предполагает рассмотрение всех родов войск РИА, а также такого структурного компонента армии, как «управления, учреждения и заведения военного ведомства» (УУЗВВ), взятого как единое целое. К этому компоненту относились штабы, разведывательные управления, интендантские и иные вспомогательные службы и т.д. Второй предполагает рассмотрение 12 военных округов Российской империи. Предпримем в рамках нашего исследования анализ офицерского корпуса основных родов войск РИА – пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск, УУЗВВ, а также офицерского корпуса всех 12 военных округов. Всего в РИА (без казачьих войск) в 1912 г., согласно «Ежегоднику», было 40 908 офицеров. Среди них – 932 генерала, 6 448 штаб-офицеров и 33 528 обер-офицеров [Там же. С. 228].

¹ Генералы – это полные генералы, генерал-лейтенанты, генерал-майоры.

² Штаб-офицеры – это полковники, подполковники, войсковые старшины.

³ Обер-офицеры – это капитаны, ротмистры, есаулы, штабс-капитаны, штаб-ротмистры, подьесаулы, поручики, сотники, подпоручики, корнеты, хорунжи, прапорщики.

⁴ Бэкон в труде «Новый Органон» писал о том, что для установления причинно-следственных связей между явлениями следует составлять таблицы: 1) сущности или присутствия, 2) отклонения или отсутствия, 3) степеней или сравнения [17]. Развивая идеи Бэкона, Милль в книге «Система логики силлогистической и индуктивной» выделил пять форм индуктивного метода: 1) сходства, 2) различия, 3) соединенный метод сходства и различия, 4) остатков, 5) сопутствующих изменений, которые полагалось необходимым применять в единстве [18].

⁵ Всего вышло три выпуска «Военно-исторического ежегодника армии» – в 1911 г. (с данными за 1910 г.), в 1913 г. (1911 г.) и в 1914 (1912 г.). В силу известных исторических причин последний выпуск, самый содержательный из всех трех, оказался последним.

Возрастные экстремумы и темпы социальной мобильности в офицерском корпусе РИА

Для того чтобы выявить закономерности социальной мобильности в офицерском корпусе РИА, определим ее скорость (темпы). Сделаем это с помощью анализа возрастной структуры трех категорий офицерского корпуса. Для решения указанной задачи выделим два типа групп офицеров: 1) группы минимальных возрастных экстремумов, т.е. офицеров, наиболее молодых для своих чинов («молодых, да ранних»); 2) группы максимальных возрастных экстремумов, т.е. офицеров, наиболее возрастных для своих чинов («перестарков»). К первому типу групп мы условно отнесем обер-офицеров в возрасте до 30 лет¹, штаб-офицеров до 40 лет и генералов до 50 лет, ко второму типу групп – обер-офицеров старше 40 лет, штаб-офицеров старше 50 лет и генералов старше 60 лет. Рассмотрим, каков вес каждой из выделенных возрастных когорт в составе данной группы чинов в офицерском корпусе РИА. Проблему исследуем вначале в предметно-отраслевом аспекте – в рамках основных родов войск РИА, а затем в территориальном – в рамках 12 военных округов Российской империи. Рода войск и военные округа выступают как предмет сравнительного анализа.

Группы возрастных экстремумов офицерского корпуса РИА по родам войск выглядели следующим образом (табл. 1). Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 1. Возрастные экстремумы офицерского корпуса родов войск РИА в 1912 г. *, %*

Род войск	Группа минимальных возрастных экстремумов			Группа максимальных возрастных экстремумов		
	Обер-офицеры до 30 лет	Штаб-офицеры до 40 лет	Генералы до 50 лет	Обер-офицеры старше 40 лет	Штаб-офицеры старше 50 лет	Генералы старше 60 лет
Пехота	41,26	5,76	15,66	21,80	42,46	8,94
Кавалерия	54,03	12,70	28,00	12,26	30,42	4,00
Артиллерия	59,44	8,72	25,77	3,62	35,12	7,22
Инженерные войска	68,19	15,08	28,57	2,72	22,42	–
УУЗВВ**	11,72	16,41	18,95	30,39	38,47	21,92
Вся армия	44,60	10,37	19,31	17,68	38,27	14,38

* Подсчет автора по: [19. С. 232–233].

** В УУЗВВ, очевидно, направляли офицеров не сразу по окончании учебных заведений, а после приобретения некоторого опыта полевой службы, поэтому в УУЗВВ молодых офицеров было немного. Но это компенсировалось командированием в УУЗВВ офицеров других родов войск после окончания военных академий.

На основе данных табл. 1 рассчитаем индикатор социальной мобильности внутри каждого из родов войск по формуле $I = (X + Y + Z) - (S + D + F)$, где X – количество обер-офицеров до 30 лет, Y – количество штаб-офицеров до 40 лет, Z – количество генералов до 50 лет, S – количество обер-офицеров в возрасте свыше 40 лет, D – количество штаб-офицеров в возрасте свыше 50 лет и F – количество генералов в возрасте свыше 60 лет. Этот индикатор отражает темпы восхождения офицеров по карьерной лестнице в родах войск РИА. Помимо этого, вычислим формальные карьерные шансы офицеров, т.е.

¹ «Ежегодник» среди молодых офицеров выделяет группы лиц в возрасте до 20 лет, до 25 лет и 25–30 лет. Мы объединяем эти три группы в одну возрастную когорту офицеров до 30 лет.

шансы абстрактного обер-офицера стать генералом, приняв их равными частному от деления численности генералов на численность обер-офицеров, относящихся к данному роду войск. Приведем оба ряда полученных результатов, расположив рода войск в порядке убывания значения индикатора социальной мобильности (табл. 2).

Таблица 2. Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе и формальные карьерные шансы офицеров в родах войск РИА в 1912 г.^{*}, баллы

Род войск	Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе	Формальные карьерные шансы офицеров
Инженерные войска	86,70	0,004
Кавалерия	48,05	0,027
Артиллерия	47,97	0,018
Пехота	–10,52	0,014
УУЗВВ	–43,70	0,207
Вся армия	3,95	0,028

^{*} Подсчет автора по: [19. С. 228].

Скорость подъема офицеров по карьерной лестнице в разных родах войск была весьма различной: быстрее всего карьеру делали офицеры инженерных войск, несколько медленнее, но все же относительно быстро восхождение совершалось в артиллерии и кавалерии, медленно – в пехоте, очень медленно – в УУЗВВ¹. Амплитуда колебаний формальных карьерных шансов офицеров в родах войск также была существенной, что определялось в значительной мере предметной специализацией родов войск. Вполне логично, что этих шансов больше в УУЗВВ, поскольку тип деятельности этого компонента РИА предполагал наибольшую плотность генералов. На втором месте находилась кавалерия, на третьем – артиллерия. На последнем месте с точки зрения формальных карьерных шансов офицеров оказались инженерные войска.

Обратимся к рассмотрению возрастных экстремумов офицерского корпуса РИА в территориальном аспекте – в 12 военных округах Российской империи (табл. 3). Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Обер-офицеров младше 30 лет больше всего было в Варшавском, Омском, Иркутском и Петербургском округах, штаб-офицеров младше 40 лет – в Приамурском, Туркестанском, Петербургском и Иркутском округах, генералов младше 50 лет – в Петербургском, далее, с очень значительным отставанием, – в Туркестанском, Приамурском и Варшавском округах. Обер-офицеров старше 40 лет больше всего в Кавказском, Омском, Одесском и Туркестанском округах, штаб-офицеров старше 50 лет – в Омском, Кавказском, Московском и Киевском округах, генералов старше 60 лет – в Омском, Кавказском, Одесском, Киевском и Московском округах. В Петербургском округе доля молодых генералов была намного выше, чем во всех других округах. Одновременно здесь наблюдалась невысокая доля генералов преклонного возраста – их меньше только в Приамурском, Иркутском и Варшавском округах.

¹ П.А. Режепо в 1903 г. отмечал, что в РИА офицерские карьеры были наиболее быстрыми в кавалерии, средними – в пехоте, наименее быстрыми – в артиллерии. Получившие чин генерал-майора в кавалерии шли к этому 30,4 года, в пехоте – 31,7, в артиллерии – 33,2 года [5. С. 25–26]. Таким образом, к 1912 г. иерархия родов войск РИА по степени благоприятствования офицерским карьерам несколько изменилась.

Таблица 3. Возрастные экстремумы офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г.*, %

Военный округ	Минимальные возрастные экстремумы			Максимальные возрастные экстремумы		
	Обер-офицеры младше 30 лет	Штаб-офицеры младше 40 лет	Генералы младше 50 лет	Обер-офицеры старше 40 лет	Штаб-офицеры старше 50 лет	Генералы старше 60 лет
Петербургский	46,51	13,78	34,92	13,76	26,90	9,52
Виленский	44,81	9,18	16,48	19,31	41,50	15,39
Варшавский	49,84	10,63	18,90	16,87	38,54	8,66
Киевский	43,59	7,82	10,48	18,36	43,73	18,55
Одесский	36,17	10,45	18,46	19,59	38,25	21,54
Московский	44,55	6,52	18,56	18,74	44,09	18,55
Казанский	41,52	11,35	17,19	19,64	41,54	10,94
Кавказский	41,77	7,96	15,86	21,38	44,88	23,17
Туркестанский	38,97	15,12	22,86	19,10	38,49	14,28
Омский	48,72	8,66	18,75	19,60	45,66	31,25
Иркутский	48,72	12,00	14,89	15,44	27,33	8,51
Приамурский	45,91	16,11	20,69	13,38	24,37	3,45

* Подсчет автора по: [19. С. 236–239].

Вычислим по вышеуказанной формуле значения индикатора социальной мобильности для 12 военных округов. Помимо этого, определим формальные карьерные шансы обер-офицеров в каждом из округов, приняв их равными частному от деления численности генералов на численность обер-офицеров, служивших в соответствующих округах. Округа ранжированы в порядке убывания значения индикатора социальной мобильности (табл. 4).

Таблица 4. Социальная мобильность в офицерском корпусе и формальные карьерные шансы офицеров в округах Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Индикатор социальной мобильности в офицерском корпусе	Формальные карьерные шансы офицеров
Петербургский	45,03	0,031
Приамурский	41,51	0,022
Иркутский	24,33	0,028
Варшавский	15,30	0,030
Туркестанский	5,08	0,030
Казанский	–2,06	0,031
Виленский	–5,73	0,026
Московский	–11,75	0,022
Одесский	–14,30	0,030
Киевский	–18,75	0,027
Омский	–20,38	0,032
Кавказский	–23,84	0,030

* Подсчет автора по: [Там же. С. 204–226].

Быстрее всего офицерские карьеры в РИА делались в Петербургском, Приамурском, Иркутском и Варшавском округах. Медленнее всего карьерное восхождение совершалось в Кавказском, Омском, Киевском и Одесском округах. Остальные округа предоставляли офицерам в этом плане средние возможности. Амплитуда колебаний формальных карьерных шансов в военных округах была незначительной, но этих шансов было больше у офицеров в Омском, Петербургском и Казанском округах.

Одновременный анализ офицерских карьер в родах войск и военных округах создает возможность исследовать детерминанты социальной мобильности в командном составе РИА. Функционирование детерминант могло

иметь тройкую направленность: они могли ускорять, замедлять или вовсе блокировать карьеры. Данные «Ежегодника» позволяют исследовать значение таких детерминант социальной мобильности офицеров, как образование, сословность и национальность¹.

Образование как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

«Ежегодник» предоставляет сведения об уровне общего и военного образования офицеров. Поскольку общее образование в данном случае играло явно вспомогательную роль, обратимся к анализу влияния на социальную мобильность военного образования.

Офицеры по уровню военного образования подразделялись на тех, кто окончил: 1) военные академии, 2) только военные училища, 3) только юнкерские училища, 4) тех, кто не имел вообще никакого военного образования. Последних среди офицеров РИА крайне немного, и посему отвлечемся от их анализа. Юнкерские училища давали среднее военное образование, военные училища, предлагавшие курс в 2–3 года, соответствовали первой ступени высшего военного образования, академии с их курсом в 2 года – полному высшему военному образованию. Выпускники академий («академики») являлись самыми образованными, самыми подготовленными офицерскими кадрами РИА. Если исходить из гражданской образовательной системы современной России, то выпускников юнкерских училищ можно сопоставить с выпускниками колледжей, военных училищ – с бакалаврами, выпускников военных академий – с магистрами.

Мы можем оценить уровень образованности офицеров каждого из родов войск и РИА в целом, опираясь на данные о численности «академиков» и численности офицеров, окончивших только военные училища. Для этого введем индикатор их образованности, значения которого рассчитаем по формуле $E = 2A + B$, где A – доля офицеров всех категорий, окончивших академии, среди всех офицеров данного рода войск, %; B – доля офицеров всех категорий, окончивших только военные училища, среди офицеров данного рода войск, %. Полученные данные представим в табличном виде, ранжировав рода войск в порядке убывания значения индикатора образованности (табл. 5).

Таблица 5. Индикатор образованности офицеров родов войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Индикатор образованности
Инженерные войска	368,36
УУЗВВ	338,67
Артиллерия	333,67
Кавалерия	274,47
Пехота	239,39
Армия в целом	286,08

* Подсчет автора по: [19. С. 232].

Самым образованными офицерами в РИА были офицеры инженерных войск, вторые и третьи позиции занимали офицеры УУЗВВ и артиллерии, им заметно уступали офицеры кавалерии, а офицеры пехоты оказались наименее

¹ Рассмотрение влияния классовых и имущественных характеристик на карьеры офицеров РИА остается за пределами настоящего исследования, поскольку «Ежегодник» не содержит соответствующих данных.

образованными. Такое распределение уровней образованности вполне логично вытекало из предметной специализации данных родов войск.

Аналогичным способом рассчитаем уровень образованности офицеров 12 военных округов (табл. 6). Округа ранжированы по убыванию уровня образованности офицеров.

Таблица 6. Индикатор образованности офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г., баллы*

Военный округ	Индикатор образованности
Туркестанский	324,36
Петербургский	305,98
Одесский	293,73
Варшавский	291,00
Виленский	287,84
Кавказский	283,01
Приамурский	282,45
Омский	279,96
Киевский	276,51
Московский	275,32
Казанский	272,03
Иркутский	271,35

* Подсчет автора по: [19. С. 236, 238].

Наиболее образованным был офицерский корпус Туркестанского, Петербургского, Одесского и Варшавского округов, а в наименьшей степени знаниями, или по крайней мере дипломами о получении образования, мог похвастать офицерский корпус Киевского, Московского, Казанского и Иркутского военных округов. Заметим, что с точки зрения оптимальной подготовки к приближающейся мировой войне наиболее подготовленные офицерские кадры должны были быть сосредоточены в округах, развернутых против потенциальных противников – Германии, Австро-Венгрии и Турции. Как показывает табл. 6, это требование было соблюдено лишь отчасти.

Исследуем, как образование детерминирует социальную мобильность в количественном аспекте, введя понятие индикатора ее образовательной детерминации. Индикатор образовательной детерминации карьеры для всех трех типов военного образования в каждом из родов войск и военных округов примем равным частному от деления доли генералов с определенным типом образования на долю обер-офицеров с подобным же типом образования в данном роде войск или округе – например, доли генералов-«академиков» на долю обер-офицеров-«академиков». Рассмотрим индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в родах войск (табл. 7). Рода войск приведены в порядке их перечисления в «Ежегоднике».

Таблица 7. Индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г., баллы*

Род войск	Военная академия	Военное училище	Юнкерское училище
Пехота	40,83	1,04	0,15
Кавалерия	22,99	0,91	0,12
Артиллерия	6,73	0,79	0,00
Инженерные войска	11,71	0,46	0,00
УУЗВВ	3,15	0,59	0,19
Вся армия	17,49	0,72	0,15

* Подсчет автора по: [Там же. С. 232].

Полученные данные показывают, что наличие образования в объеме военной академии резко ускоряло карьеру офицеров во всех родах войск, и в наибольшей степени это касалось пехоты, в наименьшей – УУЗВВ. Это вполне логично, если вспомнить о том, что в пехоте было относительно мало офицеров всех категорий, окончивших курс военных академий, а в УУЗВВ – довольно много: чем меньше в определенной социальной среде индивидуумов с каким-либо положительно выраженным профессиональным качеством, тем легче делать карьеру, опираясь на его наличие, и наоборот. В то же время наличие образования в объеме только военного училища почти всегда замедляло карьеру офицеров (исключение – пехота), а в объеме только юнкерского училища – очень сильно замедляло ее или делало невозможным подъем до генеральского чина (в случае артиллерии и инженерных войск)¹.

Данные табл. 7 можно интерпретировать следующим образом: если мы умножим формальные карьерные шансы офицеров (см. табл. 2) на индикатор образовательной детерминации соответствующего рода войск РИА или военного округа, то определим их реальные шансы достичь генеральских чинов, опираясь на образование. Значение индикатора по определенному типу образования свыше 1 говорит о том, что данный вид образования в среднем и типическом случае ускоряет карьеру; значение, равное или очень близкое 1, означает, что он совсем или почти не влияет на карьеру; значение заметно ниже 1 показывает, что данный вид образования замедляет карьеру; значение, равное 0, свидетельствует о том, что он блокирует карьеру, останавливая офицера на пути к генеральскому чину.

Рассмотрим, как образование влияло на карьеру офицеров в 12 военных округах Российской империи (табл. 8). Округа ранжированы по убыванию значения индикатора детерминации по образованию, полученному в военных академиях.

Таблица 8. Индикатор образовательной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г. *, баллы

Военный округ	Военная академия	Военное училище	Юнкерское училище
Казанский	36,88	0,73	0,18
Московский	29,68	0,80	0,10
Одесский	24,14	0,59	0,13
Варшавский	24,09	0,67	0,09
Иркутский	21,56	0,94	0,04
Виленский	19,54	0,77	0,11
Киевский	17,56	0,84	0,13
Туркестанский	14,43	0,51	0,07
Приамурский	12,73	0,83	0,31
Омский	11,36	0,53	0,42
Кавказский	11,25	0,50	0,37
Петербургский	9,47	0,71	0,19

* Подсчет автора по: [19. С. 236, 238].

Во всех военных округах, как и во всех родах войск, академическое образование резко ускоряло карьеру офицера, образование на уровне военного училища заметно замедляло ее, а образование на уровне лишь юнкерского

¹ Данные результаты подтверждают выводы, сделанные П.А. Режепо в 1903 и 1905 гг., о том, что академическое образование ускоряло получение офицерами РИА чинов генерала и полковника [5. С. 13–17; 6. С. 13].

училища замедляло ее в высшей степени. В наибольшей степени академическое образование ускоряло карьеры в Казанском, Московском, Одесском и Варшавском округах, в наименьшей – в Петербургском округе. Последнее вполне закономерно, если учесть, что он по уровню образованности офицеров превосходил все другие округа (за исключением Туркестанского).

Сословность как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

Важнейшей характеристикой командного состава РИА являлась его сословная структура. В офицерском корпусе РИА в 1912 г. доминировали привилегированные сословия, в первую очередь потомственное дворянство. Сословная принадлежность в офицерском корпусе (без казачьих войск) распределялась следующим образом: потомственные дворяне составляли 54,33%, потомственные почетные граждане – 13,67%, лица духовного звания – 3,65%, лица купеческого звания – 3,34%, лица из бывших податных сословий – 24,81% от числа всех офицеров [19. С. 228–229]. Согласно переписи 1897 г. среди населения Российской империи потомственные и личные дворяне составляли 1,5%, почетные граждане – 0,3%, купцы – 0,2%, духовенство – 0,5% [20. С. 54]. Иначе говоря, более 75% офицерского корпуса РИА происходило из среды привилегированных сословий, составлявших совокупно примерно 2% населения Российской империи. Таким образом, сословная структура офицерского корпуса совершенно не соответствовала сословной структуре общества Российской империи. При этом сословная структура офицерского корпуса РИА после 1861 г. эволюционировала чрезвычайно медленно. Согласно данным, приводимым А.П. Корелиным, среди офицеров РИА потомственных дворян¹ в 1864 г. было 58%, в 1874 г. – 54,8%, в 1897 г. – 53,7% [9. С. 86]. Как видим, с 1864 по 1912 г. изменение сословной структуры офицерского корпуса РИА было незначительным, и абсолютное преобладание дворян воспроизводилось.

Потомственные дворяне в 1912 г. доминировали во всех категориях командного состава всех родов войск, за исключением группы обер-офицеров пехоты. Если говорить о привилегированных сословиях в целом, то их господство во всех категориях командного состава всех родов войск было абсолютным. Проявлялась следующая закономерность: чем выше чин, тем в большей степени среди офицеров с соответствующим чином были представлены выходцы из привилегированных сословий, но особенно – из потомственного дворянства. Среди генералов РИА (без казачьих войск) в 1912 г. дворян было 87,45% [19. С. 233]. И этот порядок изменялся крайне медленно после 1861 г.: по А.П. Корелину, в 1864 г. среди генералов и адмиралов потомственные дворяне составляли 95,7%, в 1874 г. – 97,9%, в 1897 г. – 100% [9. С. 86].

Нижние чины РИА по своему сословному происхождению были полной противоположностью ее офицерского корпуса. В 1912 г. среди нижних чинов было: выходцев из потомственных дворян – 0,42%, потомственных почетных граждан – 0,46%, лиц духовного звания – 0,19%, лиц купеческого звания – 0,38%, лиц из бывших податных сословий – 98,55% [19. С. 373].

¹ Совокупно взятых дворян и по происхождению, и «по чину» или «по ордену».

Для выявления более полной картины и в первую очередь для сравнительного анализа сословной структуры офицерского корпуса родов войск и округов РИА в 1912 г. введем индикатор сословности (по определенному сословию), рассчитав его по формуле $G = 3K + 2V + N$, где K – доля лиц из данного сословия среди генералов, V – доля лиц из этого сословия среди штаб-офицеров, N – доля лиц из этого же сословия среди обер-офицеров. Индикатор покажет вес представителей каждого из сословий в баллах. Рассчитаем значения индикатора вначале для родов войск РИА (табл. 9). Рода войск приведены в порядке убывания значения индикатора сословности по потомственному дворянству.

Таблица 9. Индикатор сословности офицерского корпуса по родам войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственное дворянство	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Кавалерия	538,92	27,56	5,03	13,09	15,40
Артиллерия	509,80	38,02	6,32	6,03	39,83
Инженерные войска	509,52	40,11	6,32	10,27	33,75
УУЗВВ	458,49	66,45	17,69	9,81	47,56
Пехота	428,17	62,50	19,97	11,19	78,17
Вся армия	455,63	58,66	16,21	10,48	59,02

* Подсчет автора по: [19. С. 232].

Согласно индикатору сословности наиболее «дворянским» среди офицерских корпусов всех родов войск был офицерский корпус кавалерии. Командный состав артиллерии и инженерных войск незначительно уступал ему в этом. Наиболее выраженным присутствие выходцев из непривилегированных сословий было в пехоте. И все же и в этом роде войск офицеры в абсолютном большинстве были из привилегированных сословий, а дворяне составляли относительное большинство. При этом дворяне располагали абсолютным большинством среди генералов и штаб-офицеров, и только в рядах обер-офицеров присутствие выходцев из бывших податных сословий было сопоставимым с присутствием дворян. В связи с этим лишь условно можно сказать, что офицерский корпус пехоты среди прочих родов войск РИА был наиболее простонародным, «плебейским».

Рассчитаем сословность офицерского корпуса военных округов тем же способом (табл. 10). Округа приведены по убыванию значения индикатора сословности по потомственным дворянам.

Таблица 10. Индикатор сословности офицерского корпуса войск по военным округам Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Петербургский	504,23	36,51	13,08	6,11	40,07
Варшавский	480,99	50,23	15,75	8,30	44,73
Виленский	471,82	53,29	14,09	4,89	55,91
Киевский	466,30	55,60	13,49	7,20	57,41
Одесский	463,19	42,99	15,75	7,77	70,24
Московский	450,64	70,12	24,59	7,68	48,77
Туркестанский	448,16	62,66	13,26	20,89	55,03
Приамурский	445,08	63,47	11,67	15,33	64,45
Кавказский	442,89	72,59	9,32	8,94	66,26
Казанский	434,97	63,26	32,25	14,77	54,75
Омский	409,33	89,59	16,56	25,96	60,06
Иркутский	293,04	105,04	19,13	36,13	146,76

* Подсчет автора по: [Там же. С. 236–238].

Самыми «дворянскими» были офицерские корпуса Петербургского, Варшавского, Виленского и Киевского округов, а, условно говоря, самым простонародным, «плебейским» – офицерский состав Иркутского военного округа, в котором, впрочем, также абсолютно доминировали дворяне. Выходцев из непривилегированных сословий всюду, кроме Иркутского округа, было немного. Офицеры-дворяне концентрировались преимущественно в западных (европейских) военных округах Российской империи.

Вычислим индикатор сословной детерминации социальной мобильности родов войск РИА по той же методике, что и выше – индикатор образовательной детерминации, но в данном случае вместо типов образования в качестве детерминант выступают сословные статусы (табл. 11). Рода войск приведены в порядке убывания значения индикатора сословной детерминации по дворянству.

Таблица 11. Индикатор сословной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Пехота	2,17	0,55	0,21	0,16	0,08
Инженерные войска	1,55	0,00	0,00	0,00	0,00
УУЗВВ	1,47	0,67	0,60	0,28	0,12
Кавалерия	1,29	0,12	0,00	0,31	0,00
Артиллерия	1,27	0,24	0,93	0,00	0,44
Вся армия	1,74	0,53	0,39	0,21	0,10

* Подсчет автора по: [19. С. 233].

Как видим, дворянское происхождение ускоряло карьеру офицеров во всех родах войск, но более всего это касалось пехоты¹. Все иные сословные статусы препятствовали карьере или даже делали ее невозможной. Примечательно, что здесь объектом дискриминации были даже три привилегированных сословия. Например, в инженерных войсках генералами могли стать только дворяне. И, разумеется, в наибольшей степени дискриминация касалась выходцев из бывших податных сословий: их сословный статус либо крайне затруднял карьеру, либо вовсе блокировал ее.

Вычислим значения индикатора сословной детерминации социальной мобильности в военных округах РИА (табл. 12). Округа приведены в порядке убывания значения этого индикатора по потомственным дворянам.

Во всех военных округах дворянский статус значительно ускорял карьеру офицеров. Вполне закономерно, что в наименьшей степени это было характерно для Петербургского округа, который больше других был насыщен дворянами-офицерами. В то же время во всех округах недворянское происхождение ощутимо замедляло карьеру или же блокировало ее. Исключениями выступали Иркутский округ, в котором делали успешную карьеру офицеры из потомственных почетных граждан, Казанский округ (из духовного звания), а также Омский и Приамурский округа (из купеческого звания). И без исключений сословное происхождение блокировало карьеру офицеров из бывших податных сословий.

¹ П.А. Режепо пришел к выводу, что наличие титула (князя, графа или барона) ускоряло получение офицерами РИА чинов генерала и полковника [5. С. 18; 6. С. 17–18], причем в наибольшей степени получению чина генерала из всех титулов способствовал титул графа.

Таблица 12. Индикатор сословной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г.*, баллы

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывшие податные сословия
Иркутский	2,15	1,41	0,63	0,13	0,44
Омский	2,14	0,61	0,00	2,63	0,00
Виленский	2,04	0,31	0,34	0,00	0,00
Одесский	1,97	0,18	0,50	0,00	0,15
Казанский	1,87	0,82	1,38	0,00	0,05
Туркестанский	1,87	0,36	0,00	1,06	0,00
Приамурский	1,81	0,47	0,45	1,88	0,05
Киевский	1,78	0,53	0,00	0,00	0,11
Московский	1,71	0,81	0,54	0,00	0,00
Варшавский	1,62	0,49	0,20	0,38	0,00
Кавказский	1,56	0,81	0,00	0,54	0,18
Петербургский	1,43	0,15	0,67	0,00	0,17

* Подсчет автора по: [19. С. 236–238].

Устойчивое дворянское доминирование в офицерском корпусе РИА всех родов войск и всех военных округов определило превращение этого корпуса в квазисословие (квазикасту), сословную корпорацию. В свою очередь, офицерские корпуса родов войск и округов, а также категории офицерского состава выступали как квазисубсословия, субкорпорации. Сословиеобразность (кастовость) офицерства распространялась и на офицеров с низким социальным происхождением, хотя различия сословных статусов внутри офицерского состава сохранялись. Ярким проявлением сословности в РИА было уже само существование гвардии как ее элитной части, в которой офицерский корпус был почти полностью укомплектован выходцами из знати, т.е. из наиболее родовитого дворянства. Известный русский военачальник А.И. Деникин писал: «Вследствие ряда причин и в русской армии существовала некоторая рознь между родами оружия – явление старое и свойственное всем армиям. Общими чертами ее были: гвардия глядела свысока на армию; кавалерия – на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и считала себя обойденной вниманием и власти, и общества» [21. С. 52]. Причины подобной розни, на мой взгляд, – в первую очередь не предметная дифференциация родов войск, а стоявшие за родами войск сословные и квазисословные различия.

Совокупное функционирование образования и сословности как детерминант социальной мобильности офицеров РИА

Рассмотрим, как образование и сословность вкупе обуславливали карьеры офицеров РИА. Если говорить о родах войск, то наиболее быстрые темпы восходящей социальной мобильности в офицерском корпусе инженерных войск (см. табл. 2), на мой взгляд, были обусловлены тем, что офицеры этого рода войск отличались и высоким уровнем присутствия дворян, и высоким уровнем образования. В кавалерии и артиллерии темпы карьер были ниже,

что можно объяснить тем, что офицеры этих родов войск отличались высокой долей присутствия дворян, но по образованности уступали офицерам-инженерам. Практически одинаковые темпы карьер в кавалерии и артиллерии следует объяснить тем, что несколько большее дворянское представительство в кавалерии компенсировалось большим уровнем образования офицеров-артиллеристов. Наконец, очень низкие темпы карьер были в пехоте, офицеры которой сочетали самый низкий уровень дворянского представительства и самый низкий уровень образования. Самые низкие темпы карьер были в УУЗВВ, чьи офицеры отличались простонародным происхождением (их «плебейскостью» превосходили только офицеры пехоты), и даже очень высокий уровень образования не компенсировал этого. Кроме того, можно предположить, что руководство Российской империи недооценивало роль штабной и обеспечивающей работы в войсках.

Если говорить об округах, то самые быстрые темпы карьер офицеров наблюдались в Петербургском, Приамурском, Омском и Варшавском округах (см. табл. 4). Петербургский и Варшавский округа заняли 2-е и 4-е места соответственно в рейтинге 12 округов по образованности офицеров и вместе с тем поднялись на 1-е и 2-е места соответственно по степени присутствия дворян в офицерском корпусе. Самые медленные карьеры офицеров мы обнаружили в Одесском, Киевском, Омском и Кавказском округах. Киевский округ был одним из четырех округов с наименее образованным офицерским корпусом. Кавказский и Омский округа входили в число округов с наименьшим присутствием дворян в офицерском корпусе. Туркестанский округ располагал самым образованным офицерским корпусом, а по присутствию дворян этот округ занимал лишь 7-е место, и, по всей вероятности, фактор образования обусловил его вхождение в число пяти округов с наиболее высокими темпами социальной мобильности офицеров. Все это совокупно позволяет сделать вывод, что наилучшими шансами на блестящую карьеру обладали индивидуумы, сочетавшие высокий уровень образования, и дворянский статус. И напротив, невысокий уровень образования и / или отсутствие дворянского статуса препятствовали офицерским карьерам.

Для того чтобы в чистом виде выявить эффективность образования и сословности как детерминант социальной мобильности в офицерском корпусе РИА, исследуем реальные карьерные шансы сословно-образовательных офицеров-антиподов – с одной стороны, выходцев из бывших податных сословий, окончивших военные академии (комбинация «худшего» происхождения и лучшего образования), и с другой стороны – дворян, окончивших только юнкерские училища (комбинация «лучшего» происхождения и худшего образования). Модели этих антиподов послужат средством отражения закономерностей социальной мобильности в офицерском корпусе РИА. Реальные шансы данных антиподов стать генералом будут равны произведению формальных карьерных шансов (см. табл. 2), индикатора образовательной (см. табл. 7) и индикатора сословной детерминации социальной мобильности (см. табл. 11). Рассмотрим реальные шансы сословно-образовательных антиподов в родах войск (табл. 13). Полученные значения округлены до трех цифр после запятой. Рода войск приведены в порядке их перечисления в «Ежегоднике».

Таблица 13. Реальные карьерные шансы сословно-образовательных антиподов офицерского корпуса РИА по родам войск в 1912 г., баллы

Род войск	Дворянин, окончивший только юнкерское училище	Выходец из бывших податных сословий, окончивший военную академию
Пехота	0,005	0,047
Кавалерия	0,000	0,000
Артиллерия	0,000	0,053
Инженерные войска	0,000	0,000
УУЗВВ	0,058	0,078
Вся армия	0,007	0,049

В кавалерии и инженерных войсках оба антипода не могли стать генералами, тогда как в пехоте, артиллерии, УУЗВВ и армии в целом шансы сделать блестящую карьеру у выходцев из бывших податных сословий с академическим образованием были заметно выше, чем у дворян, окончивших только юнкерские училища (по армии в целом – в 7 раз!). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в офицерском корпусе РИА накануне Первой мировой войны вполне определенно оформилась тенденция превалирования образования над сословностью в системе детерминации социальной мобильности офицеров. Но все же дворянское происхождение продолжало играть огромную роль в карьерном росте офицеров РИА, и шансы сделать блестящую карьеру у «академика»-дворянина в типическом и среднем случае были намного выше, чем у «академика»-простолюдина¹.

Сословные характеристики влияли и на горизонтальную мобильность офицеров – на размещение в том или ином военном округе. Наиболее «дворянским» был офицерский корпус Петербургского округа, офицерство других западных округов (Виленского, Варшавского, Киевского, Московского, Одесского) по степени дворянского присутствия превосходило офицерский корпус восточных и южных округов (Казанского, Кавказского, Туркестанского, Омского, Иркутского, Приамурского). Это можно объяснить, во-первых, стремлением наиболее привилегированной части офицерского корпуса РИА служить и быть расквартированными в более развитой и цивилизованной части страны, а следовательно, в более комфортных условиях, во-вторых, политикой командования по размещению офицеров-дворян как наиболее надежной части армии, с одной стороны, в ключевых округах Российской империи, с другой – в округах, которые должны были бы в случае войны быть развернутыми во фронты, противостоящие наиболее грозным потенциальным противникам – Германии и Австро-Венгрии. Рекордную концентрацию дворян в офицерском корпусе Петербургского округа, вероятно, следует объяснить тем, что на карьере офицеров влияли близость ко двору, военному министерству и другим высшим органам военного управления, высокая плотность аристократических и богатых буржуазных семейств в столице им-

¹ П.А. Режепо в 1903 г. указывал на то, что титул князя, графа или барона в большей степени способствовал получению офицером чина генерала, чем академическое образование. При этом он отмечал рост значения образования и личной службы [5. С. 18]. К.М. Оберучев в 1909–1910 гг. делал вывод, что в РИА карьеры быстрее всего делают офицеры Генерального штаба, им несколько уступают офицеры гвардии, тогда как армейские офицеры серьезно отстают от этих двух категорий [2, 3]. Первые были выпускниками академии Генштаба, вторые происходили, как правило, из наиболее знатной части дворянства.

перии и ее окрестностях и т.п. В Иркутском округе дворян среди офицеров было меньше, чем в любом другом округе, и при этом он по доле молодых генералов уступал почти всем другим округам.

Быстрые карьеры офицеров Приамурского и Иркутского округов при том, что они обладали невысокими показателями образования и родовитости, на мой взгляд, объясняются тем, что войска именно этих округов в первую очередь принимали участие в русско-японской войне 1904–1905 гг. Офицеры Приамурского и Иркутского округов, проявившие доблесть, мужество и профессионализм в условиях боевых действий, были повышены в чинах не благодаря образованию и высокому происхождению, а благодаря своим боевым заслугам. Офицеры из социальных низов («кухаркины дети») получили благодаря русско-японской войне шанс на ускорение своей карьеры. Для тех из них, кто не обладал ни высшим военным образованием, ни дворянским происхождением, но располагал необходимыми интеллектуальными, морально-волевыми качествами и военной компетентностью, этот шанс был уникальным. Не будь войны, многих из этих офицеров, вероятнее всего, ожидало прозябание на первых ступеньках карьерной лестницы вплоть до увольнения на пенсию в скромных чинах. В связи со сказанным здесь следовало бы уточнить подход П.А. Сорокина, который рассматривал армию как один из каналов восходящей социальной мобильности [1. С. 393]: армия, командный состав которой подчинен преимущественно сословным принципам комплектования, в мирных условиях предоставляет очень ограниченные возможности для восхождения индивидуумов из социальных низов, тогда как в военное время круг этих возможностей заметно расширяется. Но все же война – это важный союзник офицеров из непривилегированных сословий в том, что касается карьеры, но не всеисильный: в РИА боевые заслуги лишь в ограниченной мере могли скомпенсировать «плебейское» происхождение и отсутствие академического образования¹.

Национальность как детерминанта социальной мобильности офицеров РИА

Рассмотрим влияние национальности на социальную мобильность офицеров. Для офицерского корпуса РИА было характерно абсолютное преобладание русских, что вполне закономерно, если учесть национальный состав и Российской империи, и нижних чинов РИА. При этом статистика Российской империи к русским относил великороссов, украинцев и белорусов. В 1912 г. среди генералов РИА русские составляли 86,48% (среди штаб-офицеров – 85,84%, среди обер-офицеров – 86,7%), немцы – 6,55% (3,26 и 2,61%), поляки – 3,33% (6,28 и 5,71%), татары² – 1,39% (0,57 и 0,56%), кавказцы – 1,29%

¹ К.М. Оберучев в 1909 г. писал, что в РИА «при движении офицеров по служебной стезе к высшим строевым командным должностям нестроевому элементу отдается большее предпочтение, чем строевому, деятелям мирного времени большее, чем боевым, гвардейцам больше, чем армейцам, и над всеми офицерскими корпорациями парит Генеральный штаб как военные избранники, которым уготованы в армии лучшие места, независимо от их талантов, способностей, дарований и подготовки всей прежней службой» [2. С. 50].

² К татарам статистика Российской империи относил не только татар в узком (современном) смысле слова, но и представителей ряда других тюркских народов. Но среди офицеров-татар РИА все же в силу ряда исторических причин преобладали татары в узком смысле слова.

(2,65 и 2,54%), литовцы и жмудины¹ – 0,32% (0,29 и 0,21%), латыши – 0,21% (0,42 и 0,78%) [19. С. 234].

Определим национальную структуру офицерского корпуса РИА тем же способом, что и в случае с сословностью, определив значения индикатора национального состава родов войск офицерского корпуса РИА (табл. 14). Индикатор покажет вес национальностей в офицерском корпусе каждого из рода войск. Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Таблица 14. Индикатор национальной структуры офицерского корпуса родов войск РИА в 1912 г.*, баллы

Рода войск	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Пехота	506,48	37,34	31,72	3,13	1,85	5,56	11,90
Кавалерия	497,19	33,16	43,00	0,04	0,59	1,66	18,77
Артиллерия	526,57	17,62	18,01	0,62	0,08	8,94	18,98
Инженерные войска	470,89	63,75	16,81	0,38	42,9	0,25	3,78
УУЗВВ	535,23	17,45	27,07	1,81	1,64	5,95	7,48
Вся армия	517,82	28,26	28,78	2,25	1,75	5,87	11,71

* Подсчет автора по: [Там же. С. 234].

При повсеместном доминировании в офицерском корпусе русских в наибольшей степени это явление было выражено в УУЗВВ, вторую и третью позицию занимали артиллерия и пехота. Присутствие других национальных групп в офицерском корпусе РИА в целом было на порядок или на два порядка более скромным. Поляков и литовцев было более всего среди офицеров инженерных войск, немцев – кавалерии, латышей – пехоты, татар и кавказцев – артиллерии.

Вычислим значения индикатора национальной структуры офицерского корпуса военных округов Российской империи (табл. 15). Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

Таблица 15. Индикатор национальной структуры офицерского корпуса военных округов Российской империи в 1912 г.*, баллы

Военный округ	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Петербургский	529,29	23,12	38,41	0,55	0,05	0,95	2,62
Виленский	496,03	26,56	40,92	5,48	3,63	13,06	11,52
Варшавский	507,29	26,79	45,14	1,74	0,18	4,47	6,43
Киевский	524,67	24,84	24,42	2,52	0,75	5,66	15,63
Одесский	489,67	52,19	38,21	4,90	0,00	5,04	8,49
Московский	562,76	20,18	7,60	3,40	0,52	0,49	2,45
Казанский	532,34	31,73	19,47	1,35	4,68	0,61	9,16
Кавказский	474,60	26,21	22,19	0,56	4,15	17,34	51,37
Туркестанский	496,34	48,95	25,23	0,77	8,58	1,81	16,60
Омский	554,70	16,37	5,12	0,40	0,00	0,00	2,57
Иркутский	522,84	31,22	18,54	1,37	1,63	13,29	6,21
Приамурский	531,49	23,78	21,55	2,79	0,63	6,29	10,19

* Подсчет автора по: [Там же. С. 240–242].

Наиболее русским по составу был офицерский корпус Московского, Омского, Приамурского и Петербургского округов. На фоне абсолютного русского большинства командного состава относительно заметным было присутствие среди офицеров поляков в Одесском и Туркестанском, немцев –

¹ Жмудины (жемайты) – литовский субэтнос.

в Варшавском и Виленском, кавказцев – в Кавказском округе. Вычислим индикатор национальной детерминации социальной мобильности в родах войск (табл. 16). Рода войск приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 16. Индикатор национальной детерминации социальной мобильности в родах войск РИА в 1912 г. *, баллы*

Род войск	Русские	Поляки	Немцы	Латыши	Литовцы	Татары	Кавказцы
Пехота	0,99	0,63	3,49	0,30	1,10	2,91	0,34
Кавалерия	1,03	0,76	1,70	0,00	0,00	0,00	0,32
Артиллерия	0,96	0,51	1,29	0,00	0,00	3,22	2,77
Инженерные войска	0,80	3,18	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
УУЗВВ	0,95	1,21	2,30	0,44	4,60	4,18	0,74
Вся армия	1,00	0,58	2,51	0,27	1,52	2,48	0,51

* Подсчет автора по: [19. С. 234].

Согласно табл. 15 и 16, на карьеру офицеров русской национальности их этническая принадлежность серьезного влияния не оказывала, что вполне закономерно в условиях повсеместного абсолютного преобладания русских в командном составе РИА. Некоторые затруднения у офицеров русской национальности существовали в инженерных войсках, но, вероятно, это следует объяснить случайностями, которые привели к заметному числу поляков среди генералов этого рода войск.

В целом ситуация с нерусскими офицерами выглядела намного сложнее. Значения индикатора по всей армии показывают, что карьера складывалась в основном успешно у офицеров из числа немцев и татар, в меньшей степени у литовцев – их доля среди генералов заметно превосходила их долю среди обер-офицеров. В первую очередь это касалось немцев (значения индикатора превышают 1 по всей армии и по четырем родам войск из пяти). Несколько противоречивой была ситуация офицеров-татар: они не могли стать генералами в кавалерии и инженерных войсках, но обладали прекрасными шансами в трех других родах войск. Хуже была ситуация у офицеров-литовцев: они обладали блестящими шансами на карьеру в УУЗВВ, стандартными в – пехоте, но были полностью лишены возможностей карьерного восхождения в трех других родах войск. Рассуждая логически, превосходные шансы на карьеру офицеров определенных национальностей можно объяснить либо тем, что они обладали профессиональными (квалификация, дисциплинированность, доблесть и т.д.) и / или политическими качествами (лояльность и т.д.) на уровне выше среднего по офицерам армии, либо тем, что командование проводило политику по их продвижению, либо тем, что существовала комбинация этих двух факторов.

Противоположный случай – офицеры из числа поляков, латышей и кавказцев, чья карьера, как показывают значения индикатора по всей армии, была затруднена. Офицеры-поляки имели прекрасные шансы на карьеру в инженерных войсках, шансы, близкие к стандартным – в УУЗВВ, плохие – в остальных трех родах войск. Офицеры-кавказцы имели отличные шансы в артиллерии, не имели никаких шансов в инженерных войсках и располагали плохими шансами в прочих трех родах войск. Офицеры-латыши не могли рассчитывать на блестящую карьеру во всех родах войск. И вновь чисто логически мы можем предположить, что это надлежит объяснить либо тем, что

офицеры данных национальностей обладали профессиональными и / или политическими качествами на уровне ниже среднего, либо тем, что проводилась политика по препятствованию их продвижению, либо тем, что существовала комбинация этих двух факторов. Рискну выдвинуть уточняющее предположение, что решающую роль играло то, что латыши (в отличие от всех рассматриваемых национальностей) были народом, который характеризовался почти абсолютным отсутствием дворянства. Таким образом, в данном случае за национальной детерминантой таилась сословная.

Рассчитаем индикатор национальной детерминации социальной мобильности в военных округах (табл. 17). Значение индикатора по латышам во всех округах было равно нулю, поэтому соответствующая колонка в таблице отсутствует. Округа приведены в порядке, установленном в «Ежегоднике».

*Таблица 17. Индикатор национальной детерминации социальной мобильности в военных округах Российской империи в 1912 г. *, баллы*

Род войск	Русские	Поляки	Немцы	Литовцы	Татары	Кавказцы
Петербургский	0,96	1,03	2,27	0,00	0,00	0,81
Виленский	1,07	0,00	1,90	0,00	2,43	4,58
Варшавский	0,97	0,37	4,23	0,00	1,41	0,00
Киевский	0,95	0,35	3,30	0,00	10,73	4,03
Одесский	0,84	1,53	6,65	0,00	0,00	1,03
Московский	1,10	0,00	0,00	14,71	0,00	0,00
Казанский	1,02	1,19	1,32	0,00	0,00	0,82
Кавказский	1,16	1,12	3,28	11,09	2,01	0,00
Туркестанский	0,87	2,63	2,20	0,00	0,00	1,13
Омский	1,03	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Иркутский	0,98	0,83	2,37	0,00	0,00	0,00
Приамурский	1,01	0,36	2,13	0,00	7,17	1,19

* Подсчет автора по: [19. С. 240–242].

На карьеру офицеров русской национальности в округах их этничность не влияла – во всех округах они составляли абсолютное большинство среди офицеров всех категорий. Только в Одесском и Туркестанском округах происходило небольшое замедление карьер русских офицеров, что, вероятнее всего, связано со случайными факторами.

Для поляков их этничность была фактором торможения карьер в 7 округах, в том числе и в округах, на территории которых доминировало польское население или присутствовали заметные польские меньшинства – в Виленском, Варшавском и Киевском. Офицеры-поляки могли делать успешную карьеру только в Туркестанском, Одесском, Казанском и Кавказском округах, т.е. округах, расположенных на территориях, на которых в той или иной степени проживали другие национальные меньшинства. В Петербургском округе шансы офицеров-поляков были стандартными.

Для немцев шансы на карьеру были превосходными в 10 из 12 округов, в том числе и в Петербургском округе. И в случае немцев наилучшими были шансы на карьеру в округах, населенных в основном другими национальными меньшинствами, – Одесском, Варшавском, Киевском и Кавказском.

Для татар карьерные шансы были отрицательными в семи округах. Офицеры-татары не могли рассчитывать на блестящую карьеру, т.е. на получение генеральских чинов, в столичном Петербургском округе. Помимо этого, у них не было оснований надеяться на такую карьеру в Казанском округе,

Одесском (в Таврической губернии 13% населения составляли тюрко-татары, т.е. крымские татары), Омском (в Акмолинской губернии было 64,4%, в Семипалатинской губернии – 89,9% тюрко-татар), Туркестанском военном округе, населенном главным образом тюрко-татарами (родственными тата-рам узбеками, казахами, киргизами и туркменами), в Иркутской губернии, в которой тюрко-татары составляли 82,9% населения [19. С. 511–514]. Из 5 военных округов, благоприятных для карьер офицеров-татар, четыре были населены иными национальными меньшинствами – Киевский, Кавказский, Виленский и Варшавский округа.

Карьерные шансы у офицеров-кавказцев отсутствовали или были незначительными в 7 военных округах, в том числе были равны нулю в близком им этнически Кавказском округе. Отличные или неплохие карьерные шансы существовали у кавказцев в 4 округах, из которых 3 были округами, населенными иными национальными меньшинствами – Виленском, Киевском и Туркестанском.

Литовцы обладали прекрасными карьерными шансами только в Московском и Кавказском округах, тогда как в других округах шансы на карьеру у них отсутствовали напрочь. Но к выводам, касающимся офицеров-литовцев, следует отнестись осторожно в силу их малочисленности и, следовательно, большой роли случайных факторов.

На основе сказанного следует сделать следующие выводы о закономерностях влияния национальности на социальную мобильность офицеров. Во-первых, нерусские офицеры, кроме немцев и поляков, практически не могли рассчитывать на службу в генеральских чинах в Петербургском округе: «Ежегодник» сообщает, что среди 126 генералов округа русские составляли 87,3%, немцы – 8,73, поляки – 3,17, прочие – 0,8% [Там же. С. 240]. Во-вторых, создавались препятствия для генеральских карьер офицеров из числа национальных меньшинств в военных округах, к которым относились территории, где соответствующий народ составлял большинство или заметную часть населения. В-третьих, для офицеров национальных меньшинств, кроме немцев, генеральская карьера была возможной только в военных округах, которые населяли другие национальные меньшинства. Очевидно, действовал известный принцип «разделяй и властвуй». Национальность в случае поляков, татар, литовцев, кавказцев и отчасти немцев выступала в качестве средства ускорения горизонтальной социальной мобильности.

Выше мы рассмотрели шансы обер-офицеров стать генералами, т.е. сделать корпоративную карьеру, в зависимости от образования, сословности и национальности. Речь шла о внутрикорпоративной мобильности. Но важно поставить вопрос и о шансах молодых граждан Российской империи стать обер-офицерами, войти в офицерскую корпорацию, т.е. об инфракорпоративной мобильности. В Российской империи потомственные дворяне составляли 1%, потомственные и личные почетные граждане – 0,3%, купцы – 0,2%, лица духовного звания – 0,5%, а выходцы из бывших податных сословий¹ – 96,6% населения [20. С. 54]. Однако в 1912 г. среди обер-офицеров РИА дворяне составляли 50,36%, а выходцы из бывших податных сословий – только 27,99% [19. С. 233]. Таким образом, шансы юношей из бывших податных со-

¹ К бывшим податным сословиям здесь отнесены крестьяне, мещане, казаки и инородцы.

словий войти в состав обер-офицеров были незначительными, тогда как, напротив, для юношей-дворян двери в офицерский корпус были раскрыты настежь.

Национальная структура нижних чинов РИА в 1912 г. была следующей: русских было 76,85%, поляков – 8,66%, евреев – 4,18%, татар – 3,16%, кавказских народностей – 2,16%, немцев – 1,57%, латышей и литовцев – 1,98 [19. С. 374]. В то же время среди обер-офицеров РИА русские составляли 86,7%, поляки – 5,71%, немцы – 2,61%, латыши – 0,78%, литовцы и жмудины – 0,21%, татары – 0,56%, кавказцы – 2,54% [Там же]. Это означает, что шансы русских юношей стать обер-офицерами, т.е. войти в офицерский корпус, были весьма благоприятными, немцев – отличными (самыми лучшими среди всех национальностей), кавказцев – ограниченными, поляков, литовцев и латышей – очень ограниченными, татар – ничтожными¹, евреи же вообще не имели таких шансов. Безусловно, одним из важных факторов, обусловивших трудность вступления в офицерский корпус РИА для молодежи нерусских национальностей, особенно из социальных низов, было плохое знание русского языка.

Офицерский корпус РИА и концепция рациональной бюрократии Макса Вебера

В Российской империи начала XX в. существовало полуфеодально-полукапиталистическое общество, и вполне закономерно, что ее государственный аппарат, ее бюрократия, включая и офицерский корпус вооруженных сил, имели соответствующий характер. Российское императорское государство было основано, если использовать категории выдающегося немецкого социального теоретика М. Вебера, на смешении традиционного и легального типов господства². Это обусловило синтез не просто разных, а противоречащих друг другу оснований социальной мобильности в офицерском корпусе: карьеры офицеров были детерминированы и образованием, и сословностью (включая степень близости офицера к царскому двору, к знати), и национальностью, и боевыми заслугами. В случае отдельных индивидуумов, групп личностей, родов войск и округов соотношение веса этих детерминант могло существенно различаться.

Из концепции господства М. Вебера следует, что офицерский корпус РИА для того, чтобы в полной мере представлять собой рациональную (современную) бюрократию, должен был бы быть построен на следующих принципах: 1) подчинение только функциональным служебным обязанностям, 2) подчинение строгой должностной иерархии, 3) подчинение должностной компетенции, 4) поступление на службу в силу контракта, т.е. на основе свободного отбора, 5) назначение на должность на основе профессиональной квалификации, подтвержденной сдачей экзаменов и получением со-

¹ Кажущийся парадокс – разительное противоречие между быстрыми карьерами татар внутри офицерского корпуса и трудностью их вступления в офицерский корпус – объясняется очень легко. Дворян среди татар было немного, и татары-дворяне не только вступали в офицерский корпус РИА, но и делали успешные карьеры в нем, тогда как татары из непривилегированных сословий практически не имели шансов стать офицерами.

² Согласно Веберу, (рациональная) бюрократия являлась штабом управления в случае легального господства.

ответствующих дипломов, 6) вознаграждение строго определенным денежным содержанием и – по уходу в отставку – пенсионным обеспечением, 7) фигурирование должности в качестве главной или основной профессии, 8) ориентация на карьеру, осуществляющуюся в соответствии со стажем работы и результатами деятельности (повышение квалификации и боевые заслуги), 9) полное отделение от средств управления (т.е. запрет коррупции), 10) подчинение строгой единой дисциплине и контролю [22. С. 126–127]. Все пункты, кроме 4 и 6, в офицерском корпусе РИА соблюдались, как показало наше исследование, лишь отчасти.

Фактор сословности определял даже не двойную, а, скорее, плюралистическую политику командования по отношению к офицерам из разных сословий. Весомый вклад в отдаление офицерского корпуса РИА от канонов рациональной бюрократии вносил и рассмотренный выше порядок функционирования национального фактора. Кроме того, наличие, вопреки седьмому пункту, у части дворян обширных земельных владений или у выходцев из среды потомственных почетных граждан и купечества предприятий обуславливало иное отношение к службе, чем у выходцев из бывших податных сословий, для которых офицерское жалованье было единственным источником дохода. (Это, в частности, приводило к тому, что офицеры из социальных низов в отличие от офицеров из привилегированных сословий стремились выйти в отставку как можно позже. Правда, это было характерно и для беспоместных дворян, коих было немало.) Девятый из веберовских принципов рациональной бюрократии, запрещающий использование должности в личных (корыстных) целях, в РИА также нарушался, о чем позволяют судить данные о преступности среди генералов и офицеров, приводимые «Ежегодником». В 1912 г. за «преступления при хранении имущества» были осуждены 34 офицера, за «подлоги, мздоимство и лихоимство» – 3 генерала и 105 офицеров [19. С. 394]. Однако факт углубляющегося кризиса, который переживала Российская империя в начале XX в., а также неизбежное в условиях сословного общества снисходительное отношение к служебным проступкам офицеров знатного происхождения заставляют предложить, что коррупция в РИА была существенно больше. Если бы вступление в офицерский корпус РИА и карьера внутри него определялись исключительно образованием, квалификацией, способностями и боевыми заслугами индивидуумов, если бы офицеры рассматривали военную службу как свою главную жизненную перспективу, если бы коррупция радикально устранялась, то командный состав вооруженных сил Российской империи в полной мере был бы скроен по канонам рациональной бюрократии, сформулированным М. Вебером. В наибольшей степени к этому идеалу приближалась, на мой взгляд, та часть офицерского корпуса РИА, которая состояла из выходцев из бывших податных сословий.

Возможность продвижения наверх индивидуумов из социальных низов, в том числе и внутри государственной бюрократии, – важная характеристика любого сословно-классового общества. К. Маркс писал о возможности восходящей социальной мобильности одаренных индивидуумов из социальных низов в классово-сословном обществе: «И это столь восхищающее экономистов-апологетов обстоятельство, что человек без средств, по обладающий энергией, солидностью, способностями и знанием дела, чтобы таким образом

превратиться в капиталиста, – ведь при капиталистическом способе производства оценка предпринимательских данных каждого производится более или менее правильно, – обстоятельство это, как ни сильно способствует оно появлению новых счастливых, весьма нежелательных для уже существующих капиталистов, укрепляет господство самого капитала, расширяет его базис и позволяет ему рекрутировать все новые и новые силы из низших слоев общества. Совершенно так же, как в Средние века то обстоятельство, что католическая церковь создавала свою иерархию из лучших умов народа, не обращая внимания на сословие, происхождение и состояние, было главным средством укрепления господства попов и угнетения мирян. Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство» [23. С. 150]. Но офицерский корпус РИА лишь в незначительной степени допускал включение в его ряды и тем более подъем до генеральского уровня талантливых представителей социальных низов («кухаркиных детей»), что и обусловило недостаточно высокий уровень качества командного состава. Это было следствием того, что офицерский корпус РИА в целом был весьма далек от канонов рациональной бюрократии.

Первая мировая война привела к определенной трансформации сословной структуры офицерского корпуса РИА, до некоторой степени усилив позиции офицеров из бывших податных сословий. Это было обусловлено следующими факторами: 1) убылью кадровых офицеров вследствие боевых потерь, 2) ускоренным массовым производством в офицеры лиц, происходивших в основном из непривилегированных сословий, из социальных низов (главным образом через школы прапорщиков), 3) ускорением карьер офицеров в связи с боевыми заслугами. Первый фактор коснулся в первую очередь обер-офицеров, заметно в меньшей степени – штаб-офицеров, и совсем в незначительной степени – генералов; второй фактор – обер-офицеров; третий – всех категорий командного состава. Но все же в силу закономерной констелляции обстоятельств «плебеизация» офицерства РИА в 1914–1917 гг. оказалась ограниченной и не изменила коренным образом сословно-иерархической природы ее командного состава. Доминирование сословных и квазисословных принципов организации офицерского корпуса армии России в основном сохранялось, и если он в годы Первой мировой войны и приблизился к канонам рациональной бюрократии, то незначительно.

Заключение

Выявленные выше закономерности восходящей социальной мобильности в Российской императорской армии сыграли свою роль в последний период истории Российской империи, став одной из важных причин поражений вооруженных сил России в ходе Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой войн и способствовав тем самым вызреванию предпосылок Февральской и Октябрьской революций. Если бы принципы социальной мобильности в РИА были более рациональными, т.е. если бы роль факторов сословности и национальности была бы минимизирована или даже сведена на нет, а карьерное восхождение офицеров (и вступление молодежи в ряды офицеров) определялось бы исключительно образованием, надлежащими интеллекту-

альными и морально-волевыми качествами, а также боевыми заслугами, то Российскую империю, возможно, ожидали бы иные перспективы.

Сова Минервы, как с беспристрастностью видеорегистратора свидетельствовал великий Гегель, вылетает в сумерки. Сумерками Российской империи и РИА стало Белое движение периода Гражданской войны 1918–1920 гг. И в эти сумерки стала предельно очевидной неэффективность и исчерпанность полуфеодальных принципов комплектования офицерского корпуса. Это проявилось в первую очередь в том, что наиболее выдающимися лидерами Белого движения стали генералы Л.Г. Корнилов и А.И. Деникин, которые не были потомственными дворянами от рождения. В Красной Армии и в армии Н.И. Махно на высокие командные позиции выдвигались самородки из социальных низов вроде С.М. Буденного или С.Н. Каретникова. Они не были ни потомственными дворянами или офицерами, ни выпускниками военных академий, но обладали талантом к военному делу, что и показали на полях сражений. Гражданская война стала могущественным созидателем и редактором социальной мобильности в противостоящих друг другу армиях.

Литература

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992.
2. Оберучев К.М. Наши военные вожди. М. : Типография «Труд», 1909.
3. Оберучев К.М. Наши командиры (опыт статистического исследования служебного движения офицеров). Киев : Типография Р.К. Лубковского, 1910.
4. Режепо П.А. Офицерский вопрос. СПб. : Русская Скоропечатня, 1909.
5. Режепо П.А. Статистика генералов. СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1903.
6. Режепо П.А. Статистика полковников. СПб. : «Столичная типография» С.Х. Золотухина, 1905.
7. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. : Центрполиграф, 1993.
8. Гребенкин И.Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань : Ряз. гос. ун-т, 2010.
9. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М. : Наука, 1979.
10. Суряев В.Н. Комплектование корпуса офицеров русской армии: образовательный ценз (1900–1914 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 114–122.
11. Суряев В.Н. Офицеры Русской Императорской армии. 1900–1917. М. : Русская панорама, 2012.
12. Суряев В.Н. Русская Императорская Армия накануне и в годы Великой войны. М. : Русское историческое общество, 2015.
13. Суряев В.Н. Структура русского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны // Российская история. 2017. № 6. С. 114–128.
14. Чувардин Г.С. Офицеры русской гвардии. Образ жизни, привычки, традиции. Орел : Издатель А. Воробьев, 2005.
15. Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской империи в эпоху правления Николая II. М. : Изд-во МЭЛИ, 2008.
16. Чувардин Г.С. Старая гвардия. Социокультурная структура и мировоззрение офицерского корпуса «старой гвардии». Орел : Вешние воды, 2002.
17. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 2.
18. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. М. : Ленанд, 2011.
19. Военно-статистический ежегодник армии за 1912 год. Издание Главного штаба. СПб. : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.
20. Рубакин Н.А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб. : Изд-во «Вестника знания» (В.В. Битнера), 1912.
21. Деникин А.И. Путь русского офицера. М. : Вагриус, 2002.
22. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen : Mohr, 1980.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1962. Т. 25, ч. 2.

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 50. pp. 162–186.

DOI: 10.17223/1998863X/50/15

SOCIAL MOBILITY IN THE KINGDOM OF MARS: THE IMPERIAL RUSSIAN ARMY IN 1912

Keywords: social mobility; career; officers; generals; education; estates; nations; Imperial Russian Army; Pitirim Sorokin; Max Weber.

The article is devoted to the study of patterns of social mobility in the officer corps of the Russian Imperial Army on the eve of the First World War. *The Military Statistical Yearbook of the Army for 1912* served as a source of empirical data. The author introduces an indicator of social mobility in order to analyze the career rates of officers. This indicator shows that the speed of the upward social mobility of officers in different types of troops and military districts of the Russian Empire was noticeably variable. To explain this phenomenon, an analysis of education, estate characteristic and nationality is carried out as a determinant of officers' careers. The author introduces indicators of estate, educational and national determination of the officers' social mobility. Education and estate characteristics had a significant impact on the career of an officer. In different types of troops and military districts, this manifested to varying degrees. Most of all, education received at military academies contributed to the careers of officers, on the one hand, and a noble origin, on the other. At the same time, education was already becoming a more significant factor in the upward mobility of officers than the estate characteristic. However, the estate characteristic not only determined the career of an officer, but also influenced the individual's entry into the officer corps to an even greater degree. As a result of this, noblemen dominated in the officer corps of the Russian Empire. Nationality determined the pace of officers' careers and their horizontal mobility (placement in military districts) in a number of cases. In general, in the army, officers of German and Tatar nationalities had the best chances for a quick career, the Russian ethnicity of officers did not have a noticeable influence on their careers, while the careers of officers of Polish, Latvian and Caucasian nationalities were slowed down. However, individuals of German and Russian nationalities had the greatest chances of joining the ranks of officers while for representatives of other nationalities becoming an officer was more difficult or even impossible. The careers of officers in some military districts were influenced by military achievements related to participation in the Russo-Japanese war. The officer corps of the Russian Imperial Army corresponded to the principles of Max Weber's rational bureaucracy only in part, which determined many aspects of Russia's participation in the First World War and also affected the events of the February and October revolutions.

References

1. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat.
2. Oberuchev, K.M. (1909) *Nashi voennye vozhd* [Our military leaders]. Moscow: Tipografiya Trud.
3. Oberuchev, K.M. (1910) *Nashi komandiry (opyt statisticheskogo issledovaniya sluzhebnogo dvi-zheniya ofitserov)* [Our commanders (The Essay on the statistical study of officers careers)]. Kyiv: Tipografiya R.K. Lubkovskogo.
4. Rezhepo, P.A. (1909) *Ofiterskiy vopros* [The officer problem]. St. Petersburg: Russkaya Skoropechatnya.
5. Rezhepo, P.A. (1903) *Statistika generalov* [The statistics of generals]. St. Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno.
6. Rezhepo, P.A. (1905) *Statistika polkovnikov* [The statistics of colonels]. St. Petersburg: Stolichnaya tipografiya S.H. Zolotukhina.
7. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofiterskiy korpus* [The Russian Officer Corps]. Moscow: Tsentrpoligraf.
8. Grebenkin, I.N. (2010) *Russkiy ofitser v gody mirovoy voyny i revolyutsii. 1914–1918 gg.* [Russian Officer during World War I and Revolution. 1914–1918] Ryazan: Ryazan State University.

9. Korelin, A.P. (1979) *Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii. 1861–1904 gg. Sostav, chislenost', korporativnaya organizatsiya* [The nobility in post reform Russia. 1861–1904. Composition, number, corporate organization]. Moscow: Nauka.
10. Suryaev, V.N. (2017) Komplektovanie korpusa ofitserov russkoy armii: obrazovatel'nyy tsenz (1900–1914 gg.) [Recruitment of the officer corps of the Russian army: the educational census]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 1. pp. 114–122.
11. Suryaev, V.N. (2012) *Ofitsery Russkoy Imperatorskoy armii. 1900–1917* [The officers of Imperial Russian army. 1900–1917]. Moscow: Russkaya panorama.
12. Suryaev, V.N. (2015) *Russkaya Imperatorskaya Armiya nakanune i v gody Velikoy voyny* [Imperial Russian army on the eve and during the Great war]. Moscow: Russkoe istoricheskoe obshchestvo.
13. Suryaev, V.N. (2017) Structure of the Russian officer corps on the eve of the First World War. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 114–128. (In Russian).
14. Chuvardin, G.S. (2005) *Ofitsery russkoy gvardii. Obraz zhizni, privyichki, traditsii* [The officers of the Russian guard. The lifestyle, habits, traditions]. Orel: A. Vorobiev.
15. Chuvardin, G.S. (2008) *Rossiyskaya imperatorskaya gvardiya v sisteme voennoy elity Rossiyskoy imperii v epokhu pravleniya Nikolaya II* [The Russian imperial guard in the system of the Russian Empire's military elite in the age of reign of Nicolas II]. Moscow: MELI.
16. Chuvardin, G.S. (2002) *Staraya gvardiya. Sotsiokul'turnaya struktura i mirovozzrenie ofitser'skogo korpusa "staroy gvardii"* [The Old Guard. The sociocultural structure and the world view of 'Old Guard' officer corps]. Orel: Veshnie vody.
17. Bacon, F. (1972) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
18. Mill, J.S. (2011). *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy* [A System of Logic, Rationative and Inductive]. Translated from English. Moscow: Lenand.
19. The Russian General Staff. (1914) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 god. Izdanie Glavnogo shtaba* [Military statistical yearbook of the army for 1912. The Edition of the General Staff]. St. Petersburg: Voennaya Tipografiya Imperatritsy Ekateriny Velikoy.
20. Rubakin, N.A. (1912) *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy* [Russia in numbers. Country. People. Estates. Classes]. St. Petersburg: Vestnik znaniya.
21. Denikin, A.I. (2002) *Put' russkogo ofitsera* [The Path of a Russian officer]. Moscow: Vagrius.
22. Weber, M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.
23. Marx, K. & Engels, F. (1962) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 25. Translated from German. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.